

18+

Юлия Алпагут

2

Отель Индиго

Юлия Алпагут

Отель «Индиго» 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41610855

ISBN 9785449642493

Аннотация

Через несколько лет после смерти матери, Джонни пытается примириться с ненавистным ему отцом. Владимир заставляет сына совершить нечто ужасное, после чего парень ещё больше возненавидел его. Но, несмотря на свою ненависть, Джонни не может от него сбежать. Шестнадцатилетний парень перебирается жить в отель своего отца. Там он замечает странное поведение горничной Анны, которая, зная о зверствах хозяина, до смерти боится его...

Содержание

1. Синяя комната	5
2. Дневник Алисии	12
3. Хлам	16
4. Портрет	22
5. Сожаление	26
6. Разговор	33
7. Чудовище	37
8. Побег	54
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Отель «Индиго» 2

Юлия Алпагут

© Юлия Алпагут, 2020

ISBN 978-5-4496-4249-3 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-4250-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Синяя комната

После разыгранных похорон Алисии, Джонни жил с Анной в загородном доме его покойной матери. Владимир и Мэри почти всё время находились в отеле. Да и Анна, когда Джону исполнилось четырнадцать, по приказу Владимира, тоже вынуждена была покинуть мальчика, и поселиться в отеле. Правда она приезжала к Джону два-три раза в неделю. Но когда она приезжала, то времени на разговоры у них почти не было. Анна привозила ему продукты, старалась как можно быстрее убраться в доме и приготовить мальчику что-нибудь поесть. А ещё Анна, по просьбе Джона, учила его готовить. Времени на занятия математикой, языками и прочими предметами у них почти не было и Анна, уезжая, давала Джону всякие задания, связанные с его обучением, на то время, пока она отсутствовала.

1983 год. 3 сентября. Суббота. Джонни проснулся рано утром и посмотрел на календарь.

«Сегодня день рождения Мэри» – подумал он, – «Сегодня ей исполняется десять лет. Столько же, сколько было мне тогда... Тогда, когда умерла мама...» – думал парень, вспоминая тот страшный день. Ведь и пятая годовщина смерти матери была уже не за горами.

Джонни, ещё немного полежав в кровати, встал. Он достал из-под кровати коробку с подарком для сестры, который он приготовил к её дню рождения уже очень давно. Это был особенный подарок. По крайней мере, он сам так считал. Джонни хотел подарить его раньше, но не мог. Хотя бы потому, что попросту не видел сестру почти всё это время, что он жил здесь после того, как отец переехал в отель и забрал Мэри с собой. Но ещё вчера вечером, когда Джон уже ложился спать, Владимир приехал в дом вместе с Мэридит. И оба они, впервые за долгое время, остались здесь на ночь.

Выходя из своей комнаты, Джонни взглянул на часы. Стрелки показывали двадцать минут восьмого утра. Было ещё довольно рано, и парень знал, что его сестра в это время обычно ещё спит. Анна говорила ему, что девочка всегда встает не раньше полудня. Но ему очень хотелось поздравить сестру первым. Раньше, чем это сделает его отец и Анна. И он надеялся, что когда он войдет в комнату сестры, та уже не будет спать. Джону очень хотелось посмотреть на радостное выражение лица Мэри, когда она откроет коробку с подарком. Но его надежды не оправдались. Конечно, Мэри ещё спала. Джонни тихо подкрался к сестре и аккуратно поставил возле её кровати свой подарок. Сверху на коробку он положил открытку со своими поздравлениями и пожеланиями и тихонечко вышел из комнаты. Вернувшись к себе, он снова лег в кровать и, укрывшись одеялом, постарался заснуть.

Джонни проснулся только около часа дня. Он встал с кровати, натянул на себя штаны и босиком пошлёпал в ванную. После обычных утренних процедур, он решил заглянуть к сестре. Хотя не был уверен, что она сейчас в своей комнате, но всё-таки он постучал. В ответ последовала тишина. Джонни постучал ещё раз и прислушался. За дверью было совсем тихо.

– Уже ушла, – вздохнул он и собирался уйти, как вдруг подумал: – А может, она ещё спит? Или...

Джонни ещё раз постучал, и тут же приоткрыв дверь, заглянул внутрь. В комнате, как он изначально и предполагал, никого не оказалось. Закрывая дверь, он вдруг увидел на полу ту самую коробку, которую ещё утром принёс сестре. Она стояла на том же месте, куда Джонни её поставил. Так же сверху лежала открытка. Мэри, казалось, даже не притронулась к подарку. Парень, недолго думая, зашёл в комнату. И убедившись в том, что сестра даже не заглянула в коробку, очень расстроился.

– Она даже не посмотрела, что я ей приготовил! – покачав головой, обиженно произнёс он.

Спустившись вниз на кухню, чтобы позавтракать, Джон нашёл на столе записку:

«Джон, мы с Мэри уехали по делам. Вернёмся вечером.».
Это всё, что было написано на клочке бумаги его отцом.

– И на этом спасибо, – выдохнул парень, скомкав кусок бумаги, – Странно, что ты вообще сообщил мне об этом, –

через несколько секунд добавил он.

И это было действительно странно. Ведь обычно отец не сообщал ему вообще ни о чём. Может быть, он просто не считал это нужным. А может быть делал это нарочно, чтобы Джон чувствовал себя ещё более не нужным. После завтрака, который из-за позднего времени можно было уже назвать обедом, парень долго сидел за столом на кухне. Он просто не знал, чем ему заняться. Только через час он вышел из-за стола и стал бессмысленно бродить по дому. Джону иногда даже нравилось то, что он оставался один, совсем один в большом доме. Хотя он и находился там один довольно часто. Но нравилось это ему, конечно же, не всегда. Просто изредка, сам не зная почему, у него возникало странное чувство радости и в это время он вдруг, как будто бы обретал какую-то свободу. Хотя это было вовсе не так. Всё это время, после того как умерла его мать, он чувствовал себя заложником. Заложником в собственном доме. Отец его будто был начальником тюрьмы, а он заключённым. Но не сейчас. Сейчас он чувствовал себя свободным. Свободным как никогда. Парень бродил из комнаты в комнату и разглядывал всё вокруг так, будто бы видел все эти вещи впервые. Все те вещи, которые он видел уже сотни тысяч раз. Но в одну комнату он, с тех пор, как не стало матери, не заходил никогда. Это была её комната. Синяя комната. Комната, в которой она, почему-то, часто оставалась ночевать. Джон обошёл весь дом и сам не заметил, как оказался возле комнаты

матери. Его вдруг словно потянуло туда. Но он остановился возле двери не решаясь войти внутрь. Его отец и сестра тоже ни разу не зашли туда с того самого времени, как не стало её хозяйки. И Анна, убираясь в доме, тоже ни разу туда не входила. Джон стоял возле двери, которая вела в комнату матери, и смотрел на эту дверь так, будто это был вход в какой-то другой мир. Смотрел и где-то в глубине души надеялся, что эта дверь вот-вот откроется и из комнаты, из своей любимой комнаты, выйдет его мать. Живая. И с улыбкой протянет к нему руки.

– Джонни! Милый мой мальчик! – скажет она и крепко обнимет его.

– Ты же умерла, – сквозь слёзы скажет ей Джонни.

– Нет! Не правда! Я не умирала! Я жива! Жива! – ответит ему она.

– Тогда где ты была всё это время?! Я так скучал!

– Всё это время я была здесь! – ответит она.

– Как же? Я же сам видел, как отец толкнул тебя! Я видел тебя мёртвой! Я видел, как тебя...

– Миленький мой, что ты такое говоришь?! – удивится она, – Тебе, наверно, приснился страшный сон?! – скажет мать, глядя ему в глаза как всегда мило улыбаясь.

Джонни увидит в её синих глазах своё отражение. И там, в этом отражении ему всего десять.

– Неужели это и впрямь был сон? – радостно подумает он и крепко прижмётся к матери.

– Это всего лишь сон... Всего лишь дурной сон... – тихо прошепчет она, нежно глядя его по голове.

Джон так реально представил себе эту картину, что чуть ли и впрямь не поверил в то, что это может произойти. Он подошёл к двери и, приложив к ней ухо, прислушался в надежде услышать там, за дверью, что-то, что даст ему понять, что его мать находится там, в комнате. Но никаких звуков из комнаты не доносилось. Парень осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь. В комнате было темно. Плотные тёмно-синие шторы спускались от потолка до самого пола и закрывали всю ту стену, на которой было окно. Джонни зашёл внутрь. Покрывало на большой деревянной кровати, небольшое кресло в углу комнаты возле окна, стены, люстра... Всё здесь было синего цвета. Алисия очень любила этот цвет. Парень закрыл за собой дверь, и в комнате стало совсем темно. Он подошёл к окну и раздвинул шторы. С них сразу же полетела пыль и в таком количестве, что Джонни закашлялся. Он открыл окно и высунулся наружу, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Он несколько раз глубоко вдохнул и, повернувшись, снова оглядел комнату.

– Надо бы здесь прибраться, – сказал он вслух, – Мама, прости меня, что я ни разу за всё это время не заходил к тебе, – говорил Джонни, как будто бы она находилась сейчас там и могла слышать его слова. – Мне было так больно, когда тебя не стало! Да и сейчас... Сейчас эта боль, кажется, стала ещё сильнее... Не правду говорят, что время лечит... Может

кого-то... Но не меня! Только не меня!

Джонни смотрел на огромный запылившийся портрет своей матери, который висел на противоположной стене от кровати, и ему вдруг показалось, что изображенная на картине женщина понимающе кивнула ему головой.

– Я так хочу, чтобы ты была жива! Чтобы вошла сейчас в эту комнату, как раньше и спросила бы меня тихо: «Милый, что ты здесь делаешь?». Помнишь? Я часто прибежал в твою комнату и прятался под одеялом, – улыбнулся он, – А ты... Когда ты находила меня... Ты тогда спрашивала: «Что ты здесь делаешь?» А потом... Потом рассказывала мне сказки, которые сама придумывала... Мне так не хватает твоих добрых сказок!

Джонни тяжело вздохнул и сел на пыльное покрывало на кровати. Он ещё долго сидел вот так и смотрел на портрет матери. Он больше ни сказал ни слова и казалось, даже не шевелился. Застыл, как статуя. Он долго смотрел на неё и о чём-то думал. Сначала он думал о чём-то приятном и улыбался. Но улыбка постепенно сошла с его губ. И когда по щекам его потекли слёзы, Джонни вдруг дернулся так, как будто его укололи. Он быстро вытер слёзы. Ведь он уже давно решил, что больше никогда не будет плакать. Никогда! Что бы ни случилось, какие бы чувства он не испытывал, он больше не должен плакать. Даже оставаясь наедине с самим собой.

2. Дневник Алисии

Парень вскочил с кровати. Теперь у него появилось много дел. Ему надо было убрать в комнате матери. Вытереть пыль, выстирать шторы и покрывало и много чего ещё сделать, чтобы привести эту комнату в нормальное состояние.

Джонни снял с окна шторы и тюль. Снял с кровати покрывало, наволочки, пододеяльник и аккуратно сложил их возле двери. Когда он дёрнул на себя простынь, которая была куда больше, чем требовалось для этой кровати и заткнута под матрас, что-то глухо упало на пол. Скомкав в руках простынь, парень посмотрел вниз. На полу возле его ног лежала книга. Это был дневник Алисии. Тот самый, который она положила под матрас, когда в последний раз приехала в свой дом. Но Джонни об этом не знал. Он вообще ничего не знал. Джон бросил простынь обратно на кровать и нагнулся. Книга была довольно толстой в тёмно-коричневом кожаном переплёте с цветочным выпуклым узором. Парень осторожно осмотрел её так, как будто это была ни книга, а какая-то реликвия. На книге не было никаких надписей. Не было ни названия, ни имени автора.

– Что это? – сказал он, подняв, наконец, её с пола.

Джонни сел на кровать и открыл книгу на первой попавшейся странице.

/1975 год. 17 октября. Пятница. Сегодня я простилась

со своей подругой... Навсегда... Моя милая, моя дорогая Мэгги, ну почему ты не сказала мне о том, что больна? Твоя смерть была так неожиданна... Хотя, она всегда неожиданна... И... Не знаю, чтобы со мной было если бы я знала, что ты умрёшь так скоро... Моя подруга, моя милая, моя родная сестрёнка.../

– Это её дневник! Это мамин дневник! Её почерк... – Джонни провел пальцами по строкам на странице, – Я и не знал, что ты вела дневник, – тихо сказал он.

Парень смотрел на исписанные синими чернилами листы бумаги. Это был мамин почерк. И здесь, в этой книге, была записана вся её жизнь. Ну... Может и не вся, но, по крайней мере, большая её часть. В этом Джонни не сомневался. Ведь книга была очень толстой и, пролистав страницы, он убедился в том, что она почти вся исписана.

Джонни вдруг закрыл её и долго смотрел на кожаный переплёт.

– Господи... Как же хочется прочитать! – сказал он, – С одной стороны... А с другой? С другой... С другой я... Я не могу этого сделать! Это твоя жизнь! Имею ли я право читать то, что ты написала?.. А почему нет? Если ты писала о чём-то, значит хотела, чтобы кто-нибудь когда-нибудь это прочёл?.. Или нет? Может ты писала это для себя? А зачем это нужно? Может, чтобы потом самой прочитать? Когда-нибудь потом, когда пройдёт, много времени... И читая, ты бы вспоминала уже пережитое тобою... Или... Может быть тебе

просто не с кем было поговорить? Так же, как и мне сейчас... Поделится своими мыслями и чувствами... Нет! Я не буду читать его! – после долгих раздумий решил Джонни, – Не буду! Вдруг там есть что-то, что мне не понравится?... Что-то, чего я не хочу знать... Нет, нет я не буду его читать... Не буду, по крайней мере пока...

Джон просто боялся. Он не хотел прочесть в этом дневнике что-то, что могло расстроить его ещё больше. Он не хотел знать ничего о матери, что касалось её переживаний и слёз. Ведь Алисии уже не было, и он ничем не мог ей помочь. Ни физически, ни морально.

Парень отнес дневник матери в свою комнату и спрятал его там. После чего вернулся обратно, и продолжил наводить порядок в синей комнате. Аккуратно стирая пыль с картины, на которой была изображена его мать, он заметил на ней то, чего никогда до этого не замечал. В правом нижнем углу была еле заметная надпись «С любовью, Майкл».

– Майкл... Кто такой Майкл? – спросил он, глядя в синие глаза Алисии на портрете, – Где-то я уже слышал это имя... Майкл...

Но сколько бы Джонни ни думал он никак не мог вспомнить где он мог слышать это имя. Но внутри него почему-то возникала уверенность в том, что он знает, кто это, что это за человек, но просто не может вспомнить.

Уже к вечеру, часам к восьми, парень навел в комнате идеальный порядок. Всё вымыл, выстирал и то, что мог, вернул

на свои места. Застелил постель синем бельем которое он нашел в мамином шкафу. Конечно, его тоже надо было бы выстирать, ведь оно лежало там уже несколько лет и тоже запылилось. Но оно было куда чище, чем то, что он снял с кровати. И парень решил застелить пока постель им. Он даже повесил на окна, ещё мокрые после стирки, шторы. После чего и лег на мамину кровать, чтобы немного отдохнуть. Он закрыл глаза и начал вспоминать, как он, ещё маленький, прибежал сюда. Вокруг, казалось, нежно запахло розами, и парень уже не чувствовал запаха пыли, которым пропахло постельное бельё. Он представил свою мать, которая что-то ему рассказывала. Какую-то сказку, которую он, засыпая, уже не слышал.

3. Хлам

Джонни проснулся около десяти вечера. Неохотно встав с кровати, он вышел из комнаты. Парень подошёл к лестнице, чтобы спуститься вниз и остановился. Из холла до него донеслись голоса отца и Мэридит.

– Папочка, я пойду в свою комнату, – сказала девочка.

– Хорошо, милая, – ответил ей Владимир.

Мэри шла вверх по лестнице. Джонни, сам не зная зачем, спрятался.

Поднявшись на второй этаж, девочка прошла в свою комнату и сразу же чем-то зашумела. Джонни, прислушиваясь, немного постоял возле её комнаты и зашёл.

– Что ты делаешь? – удивленно спросил он, увидев, как сестра собирает в большую коробку вещи, которые когда-то дарила ей мать.

– А ты что, не видишь что ли? – резко спросила она.

– Вижу. Зачем ты это делаешь?

– Хочу выбросить. Мне это уже не нужно.

– Выбросить? Ты что с ума сошла?! – возмутился Джонни.

– Нет, не сошла! И... Что я такого делаю? Почему у тебя такое лицо? – спросила Мэридит, небрежно бросив что-то в коробку.

– Это же фотографии мамы! – выкрикнул парень и, подойдя к коробке, заглянул внутрь.

– И что? – безразлично сказала Мэридит.

Джон посмотрел на сестру. Он ещё никогда не видел её такой. Мэри всегда была доброй и милой девочкой, а сейчас она была похожа на отца. Даже взгляд её изменился. Стал холодным и каким-то злым.

– Зачем ты их убираешь в коробку? И твой мишка...

– Я же уже сказала тебе! Я хочу всё это выбросить!

– Выбросить?! – переспросил Джон.

– Я никак не пойму ты что оглох что ли? Да! Я хочу всё это выбросить! Понятно? А теперь выйди из моей комнаты! У тебя своя есть! – разозлилась Мэридит.

– Но... Я не понимаю, зачем ты это делаешь? Это же мамины фотографии! И мишка... Это мама тебе его сшила! Ты забыла?! Это же твой любимый мишка!

– Был...

– Что значит был?

– То и значит! Да, когда-то это был мой любимый мишка! И ночная рубашка, и ожерелье, и много чего ещё. И мамины фотографии... Почему я не могу их выбросить? Она что какая-то богиня?

– Что ты такое говоришь?! – возмутился Джон, – Что с тобой случилось?! Что происходит?!

– Ничего. Ничего не происходит. Со мной всё в порядке! Я просто хочу выбросить этот хлам! Вот и всё! А ты мне мешаешь! – громко заявила Мэридит.

– Ты, правда, хочешь это выбросить? – никак не мог по-

нять Джон.

– Да! Сколько раз тебе ещё надо сказать, чтобы ты, наконец, понял?!

– Но почему? Почему ты хочешь всё это выбросить? Неужели тебе не дорога память о маме?

– Мне плевать на неё! Понял? – сказала девочка и так злобно посмотрела на брата, что у него даже мурашки побежали по коже.

Джонни молча смотрел на сестру, а та продолжала кидать в коробку какие-то безделушки.

– Отдай всё это мне, – после минутной паузы, сказал Джон.

– Тебе нужен этот хлам? – искренне удивившись, спросила Мэри.

– Это не хлам! – возразил парень.

– Ну... Если тебе нужно это барахло... – задумчиво произнесла девочка и, бросив в коробку ещё пару вещей, сказала: – Забирай!

Джон взял коробку и собирался уже выйти из комнаты как Мэри сказала:

– Отец прав! Ты слюнтяй!

– Да что с тобой такое?! – повернувшись к сестре, воскликнул он.

– Со мной? Это что с тобой? Она умерла пять лет назад! Я что должна думать о ней каждый день и молиться на её фотографии?! Тем более, после того, что она сделала!

– Сделала? А что она сделала? – непонимающе спросил Джонни.

– Много чего. А самое главное, что она не любила папу! Она всегда обманывала его!

– О чём ты говоришь? Мэри, что произошло? Что с тобой случилось? Ты так изменилась! Я тебя просто не узнаю!

– Изменилась? Я? Нет, я не изменилась!

– Да! Изменилась! Ещё неделю назад ты была другой! Ты улыбалась и... И даже плакала вспоминая как мама поздравляла тебя с днём рождения! Всего неделю назад! А сегодня... Сегодня же твой день рождения, Мэри!

– Да, я знаю. И отец сделал мне подарок! Подарок, о котором я не забуду никогда! Сегодня он кое-что мне рассказал! И показал... И я больше не хочу плакать из-за этой женщины! Ясно?! – злобно сказала маленькая Мэридит.

– Эта женщина – твоя мать! – заорал Джонни.

– Да, к сожалению! К сожалению, это так! Но мне уже всё равно! Ведь её нет! Слышишь? Её больше нет!

– Господи, Мэри, что такого наговорил тебе отец? Я никогда ещё прежде не видел тебя такой злой! И никогда не думал, что ты можешь быть такой бессердечной!

– Зато ты у нас очень чувствительный, Джонни, – ухмыльнулась девочка, – Даже слишком!

– Мэри! Тебе сегодня исполнилось десять, а ты ведешь себя, как... как...

– Как?

– Как отец! Он, он...

– Как... как... Он... он... – передразнила девочка, – Отстань от меня! Забирай этот хлам и вали из моей комнаты! – выкрикнула она.

– Хорошо! – недовольно фыркнул Джон и уже собирался уходить, но остановился в дверях. – Можно задать тебе один вопрос? – посмотрев на сестру спросил он.

– Задавай! Задавай и проваливай! – грубо ответила она.

Парень глубоко вздохнул.

– Что рассказал тебе отец? – спросил он.

– Что?.. Это не твоё дело, Джонни! – ответила Мэри и, подойдя к брату, кинула в коробку браслет, который только что сняла со своей руки.

Закрывшись в своей комнате, Джонни начал разглядывать содержимое коробки. В ней было много всяких вещей. Почти всё, что дарила Алисия дочери. Всё, кроме одного. Того, что Джонни утром принёс в комнату сестры в качестве подарка. В той коробке, которую парень уже давно хотел подарить Мэридит и сегодня утром принёс к ней в комнату, лежала та самая фарфоровая кукла, которую девочка почти пять лет назад выронила из рук, когда увидела бездыханно лежавшую на полу Алисию. В тот день Джонни бережно собрал отколовшиеся от куклы кусочки и, по прошествии какого-то времени, наконец склеил её.

– Что такого сказал ей отец? – думал Джон, – Почему она так обозлилась на меня? И на маму... Она никогда так со мной не разговаривала! И... Я не могу в это поверить... Как она могла собрать это всё чтобы выкинуть?! Куда он её возил? Что он сказал ей? Что произошло?.. – думал он, но ни на один из вопросов так и не нашёл ответа.

4. Портрет

На следующее утро Джонни зашёл к Мэридит, чтобы поговорить о вчерашнем. Но девочка только злобно на него посмотрела. Когда Джон попытался выяснить от чего у неё такое настроение, сестра не то что не стала с ним разговаривать, она даже не обратила на него никакого внимания. Мэридит вышла из своей комнаты и направилась вниз. Джонни осторожно последовал за сестрой, чтобы проследить за ней. Девочка спустилась в подвал и, взяв стремянку, со вздохами и кряхтением дотащила её до гостиной.

Девочка притащила лестницу в гостиную и, придвинув её к стене, где висел один из нескольких портретов их покойной матери, развешанных по дому, она влезла на неё и сняла портрет со стены. Затем она потащила его во двор. Там Мэри швырнула картину на землю возле большой бочки, в которой они частенько что-то жгли, и достала из кармана спички. Мэри что-то подожгла в бочке, и огонь стал медленно разгораться всё больше и больше. Она взяла портрет матери и сунула его в огонь. Тогда Джонни подбежал к бочке и резко выдернул из неё уже загоревшуюся картину. Он быстро затушил горящий портрет и, повернувшись к сестре, заорал:

– Дура! Что ты делаешь?!

– Сам дурак! – выкрикнула в ответ она, – Я больше не хочу видеть её мерзкое лицо!

– Это твоя мать! Она тебя родила! Она растила тебя! Она тебя любила! Мэри, что с тобой происходит?! Почему ты себя так ведёшь?! Ты с ума сошла?!

– Это ты сошёл с ума, раз так переживаешь из-за этой дрянни! – сказала десятилетняя девочка, которая всем своим маленьким сердцем, казалось, просто ненавидела мать.

И в этот момент Джонни не сдержался. Он замахнулся и наотмашь врезал сестре по лицу так, что даже сбил её с ног.

– Это ты дрянь! Маленькая, мерзкая, злобная дрянь! – заорал он.

Мэри сидела на траве и, держась за щёку, плакала. Но Джона сейчас это совершенно не волновало, как и то, что он только что ударил свою младшую сестру. Сейчас он ненавидел Мэри даже больше чем отца. Он ненавидел её настолько сильно что, если бы она сейчас ещё хоть что-нибудь сказала про их мать, он бы не задумываясь, собственными руками задушил бы свою маленькую и злую сестру.

– Только попробуй ещё хоть раз сказать плохо о маме! Ещё хоть одно слово о ней я услышу из твоего поганого рта, клянусь, я убью тебя своими собственными руками! – в ярости выкрикнул Джон.

Всё ещё сидя на земле и потирая, покрасневшую от удара, щёку, Мэри с ненавистью посмотрела на брата.

Джонни поднял с земли обгоревший портрет матери и хотел пойти в дом, но развернувшись, он наткнулся на своего отца. Владимир почти всё это время стоял недалеко

от детей и наблюдал за происходящим. Джонни, увидев его, на мгновение даже испугался. Ведь отец видел, как он ударил его любимую дочь. Владимир поднял руку и парень, зажмурившись, приготовился к удару. Но удара не последовало. К удивлению Джона, отец как-то одобряюще похлопал его по щеке и парень, открыв глаза, увидел на его лице странную ухмылку.

– Иди в дом, – сказал Владимир сыну, – И повесь на место картину.

– Но она... – Джон хотел сказать, что картина обгорела, но мужчина это и сам видел. Перебив сына, он ответил на его ещё не озвученную фразу:

– Ничего. Это не страшно. Повесь её туда, где она висела, – сказал Владимир, и Джонни отправился в дом.

Зайдя в гостиную, парень вернул картину на её законное место и отнёс лестницу обратно в подвал, после чего выглянул в окно. Там, на улице, возле бочки всё ещё стоял отец. Перед ним стояла Мэри и, потирая глаза, плакала. Отец что-то говорил ей. Джонни не слышал, что, но по всему было видно, что его слова были для Мэридит крайне неприятны.

В этот день, и ещё в течение месяца после этого случая, отец в наказание за её поступок вообще запретил Мэри выходить из дома и не только из дома. Почти весь месяц она провела в своей комнате. Ей разрешено было выходить только в ванну и на кухню. И только по этому маршруту она и ходила. Джонни даже стало её жаль. Но он всё равно ничего бы

не смог с этим поделаться. Ведь слово отца в их доме – закон. Так было и когда ещё была жива их мать, и после её смерти это, конечно, не изменилось. И подходить к нему и просить о «помиловании» сестры Джонни тоже не хотел. Не только потому, что в этом не было никакого смысла. Но и потому, что он никак не мог простить сестре её слова и поступки.

– Пусть хоть немного подумает над своим поведением... – думал Джон, – Не все же прощать ей! Пусть она ещё маленькая и, может, не совсем понимает, что говорит, но что же теперь?! Нельзя же спускать ей такое с рук?!

5. Сожаление

1983 год. 25 ноября. Пятница. Джонни проснулся ночью. «В этот день, пять лет назад, умерла мама» – подумал он и, тяжело вздохнув, встал с кровати. Он подошёл к окну и открыв его, глубоко вдохнул свежий, холодный осенний воздух. Джон вдруг подумал о том, что Мэри, наверно, ненавидит мать потому что считает, что она бросила их. Отца и её... Джонни как будто осенило. «Точно! Она, наверно, не может в полной мере осознать того, что произошло пять лет назад! Она тогда была слишком мала, чтобы понять это! И... Она ведь никогда, никогда не видела смерти! Не видела ничего дурного до того момента! Может она просто не понимает? Может она переживает из-за того, что мамы нет с нами рядом? Думает, что она бросила нас?» – наивно думал парень, пытаясь оправдать поведение сестры. И в этот момент ему стало так жалко Мэри, что он чуть ли не расплакался.

«А я... Я ударил её! Вместо того, чтобы пожалеть её, объяснить ей то, чего она не понимает... Я её ударил! Нужно было ещё раз попытаться поговорить с ней! Какой же я... И ещё радовался, что отец наказал её!..»

Джонни быстро вышел из своей комнаты и подошёл к комнате Мэри. Он тихонечко приоткрыл дверь и зашёл внутрь. Было начало четвертого, и девочка крепко спала. Джонни тихо подошёл к её кровати и сел на край.

– Прости меня, малышка, – прошептал он и, аккуратно, чтобы не разбудить её, погладил спящую сестру по голове. – Прости меня... Я думал только о себе... Всё это время, я думал только о своих переживаниях... – тихо говорил он.

Мэри вдруг открыла глаза.

– Идиот! – прошипела она и резко села в кровати, – Что ты здесь делаешь?!

– Я пришёл извиниться, – сделав вид, что не обратил никакого внимания на оскорбление, сказал Джонни.

– Извиниться? – удивилась Мэри, – За что?

– За то, что ударил тебя тогда...

– Забудь! Теперь я знаю, что ты всё-таки не такой слабак, каким хочешь казаться! Хотя... Судя по тому, что ты пришёл извиняться...

– Я не понимаю тебя, Мэридит! Ты что рада тому что я ударил тебя?

– Конечно нет, но...

Джонни перебил сестру.

– Мэри, пожалуйста, перестань! Давай не будем больше ссориться! – сказал он.

– Ссориться? А кто ссорился? – округлив глаза спросила она.

– Мы! – ответил ей брат.

– Мы? – протянула Мэри.

Джонн глубоко вздохнул.

– Не мы, – сказал он, – Скорее ты.

– Я? – ещё раз удивлённо протянула девочка. – Нужен ты мне больно! Ещё с тобой ссориться и тратить на тебя свои нервы!

– Мэри, я просто хотел извиниться! И за то, что ударил тебя тогда и... Я хотел извиниться ещё за то, что не понимал тебя! Не понимал до сегодняшней ночи, почему ты так себя ведёшь!

– Да что ты говоришь?! – скрестив на груди руки, громко сказала Мэри.

– Да, я только сейчас понял, почему ты ненавидишь маму... – как-то виновато сказал Джонни.

– И почему же? – поинтересовалась девочка.

– Потому, что ты переживаешь из-за её смерти... Может быть даже больше, чем я! Потому, что не можешь простить ей того, что она умерла... Не можешь простить того, что она, сама того не желая, оставила тебя... – говорил парень.

– Что за чушь ты несёшь?! – всплеснув руками воскликнула Мэридит, – Ты что правда идиот?! Буду я переживать из-за этой женщины?! Тем более из-за того, что она умерла! Нет! Меня это нисколечко не волнует! Знаешь, я даже рада, что это произошло!

– Господи, Мэри! Что ты такое говоришь?! – вскочив с кровати возмущённо выкрикнул Джонни.

– Это ты что говоришь?! Если она была тебе так нужна, что ты до сих пор слёзы по ней льёшь, это не значит, что и мне она тоже нужна! И давай закончим этот разговор! Вали

из моей комнаты, и чтобы больше я тебя здесь не видела! Понял?! – закричала Мэридит.

– Мало я тогда тебе врзал! – разозлившись ещё больше, сказал Джонни и, уже подойдя к двери, добавил: – Я очень сожалею о том, что ты моя сестра!

– Взаимно! – выкрикнула ему в ответ Мэри, – И мне ещё очень жаль, что отец запретил мне кое-что тебе говорить! Оооо! Как бы я хотела рассказать тебе что-то очень интересное и важное для тебя! Важное для такого идиота как ты! Ах, как же мне жаль, что я не могу этого сделать!..

– Важное? Что ты, соплячка, можешь рассказать мне важного?! – злился парень.

– То, что тебе будет очень интересно узнать! Но... Извини! Так уж вышло, что отец запретил мне говорить с тобой о том, что я видела в свой день рождения! – разведя руками, сказала Мэридит.

– Что? Что ты видела? – заинтересовался Джон.

– Ты что? Глухой что ли?! Я же сказала отец запретил мне говорить тебе об этом! Но, когда-нибудь, ты об этом узнаешь! Обязательно узнаешь! Когда-нибудь... И не спрашивай меня, я всё равно тебе ничего не скажу! И у отца что-то спрашивать тоже бесполезно! Пока он сам не захочет, ты ничего не узнаешь! А теперь мучайся этим незнанием чего-то очень для тебя важного! Мучайся! Надеюсь до того времени, пока он не решит всё тебе рассказать, ты будешь плохо спать! А потом, когда ты узнаешь наш с ним секрет, ты и вовсе

спать не сможешь! – злорадствуя сказала Мэри и злобно засмеялась.

– Спокойно ночи, маленький дьявол, – прошипел Джонни и, не имея больше желания разговаривать с сестрой, вышел из её комнаты.

– Спокойной ночи, идиот! – выкрикнула она, когда дверь за Джоном закрылась, – Спокойной ночи...

Джонни теперь чувствовал к себе презрение не только со стороны отца, но и со стороны Мэридит. Погрузившись с головой в размышления о том, почему же к нему такое ужасное отношение, он уже и забыл о том, что его родной отец, пусть и случайно, но убил его мать. Он даже перестал ненавидеть отца. Джонни как будто просто забыл о своей ненависти. Да и смысла в этой самой ненависти никакого не было. Отец и сестра были единственными родными ему людьми. И Джонни решил во что бы то ни стало, вернуть любовь отца к себе. Он думал, что вернув к себе хорошее расположение отца, и Мэри бы стала относиться к своему брату по-прежнему. Парень делал много попыток, чтобы поговорить по душам и с отцом, и со своей сестрой. Но, казалось, никто из них его даже не хотел слушать. Джонни много раз предлагал им вместе сходить куда-нибудь, устроить семейный ужин или пойти на пикник, но все его предложения резко отклонялись. Парень решил, что непременно должен что-

то придумать, что-то сделать, изменить такое, непонятно почему сложившееся у его родных, отношение к нему. Джонни много думал, но ничего в голову ему не приходило. Он думал о том, что он может сделать. И много размышлял над тем, почему к нему так относиться его отец и его сестра.

«Может отец так ненавидит меня, из-за того, что я обвинил его в смерти матери?» – подумал, наконец, Джонни, – «Наверно... Нет! Точно! Точно, это так и есть! Ведь именно в тот день он стал таким! Когда увидел меня... Увидел мой взгляд полный слёз, ненависти и непонимания. А потом... Потом после похорон я вообще назвал его убийцей! А он... Он ведь так любил её! Он так любил свою жену! Так любил мою мать! Больше жизни! Больше всего на свете! Я ведь видел это! Я ведь каждый день это видел! Я ведь знал об этом! Наверно, он толкнул её в порыве какой-то ярости! Они ведь ссорились... Конечно, конечно он не хотел её толкать! И тем более не хотел, чтобы она умерла! Он ведь так любил её... И до сих пор любит! Прошло уже пять лет после её смерти, а у него никого не было... Хотя он обеспеченный, ответственный, сильный, красивый мужчина... Наверняка много женщин хотели бы быть с ним... Да каждая вторая в городе согласилась бы выйти за него замуж! Но он не женился и даже ни разу не задумывался об этом... Может, конечно, и задумывался... Но не говорил... Нет! Вряд ли... Вряд ли он когда-нибудь даже думал о том, чтобы привести в этот дом другую женщину... И в доме... В доме везде висят мамины

портреты! Везде! И в его спальне тоже! Он их не снял!» – успокаивал себя Джонни, – «Но... Что он сказал Мэри, что она так возненавидела мать? Что он ей тогда сказал, что она стала называть её „эта женщина“? Что он показал ей? Почему она собрала всё, что дарила ей мама? Почему она теперь и меня ненавидит? Что я ей сделал? Мэри хотела даже снять её портреты! Уговаривала отца, чтобы он сжёг их! А он? Он ведь был против! Он не дал ей их уничтожить! И даже наказал её, когда она попыталась сжечь тот, который висит в гостиной... Нет! Он любил и до их пор любит её! Наверно, это я виноват в таком его отношении ко мне... Сам виноват! Назвал его убийцей... А он ведь так любил её! О, как же он тогда переживал, что сам... Сам толкнул её!..»

6. Разговор

Прошло много времени прежде Джонни, всё-таки набравшись мужества, подошёл к отцу.

1984 год. 12 июня. Вторник. Вечер.

– Что ты хочешь? – спросил мужчина, увидев сына стоящего в дверях его кабинета.

– Отец, я хотел поговорить с тобой, – сказал Джонни.

– Поговорить? – удивился Владимир, – О чём? Я думал, что нам уже давно не о чем с тобой разговаривать...

– Да, но... Я так не думаю!

– Тогда присаживайся, – сказал мужчина, указав рукой на кресло стоявшее возле его стола.

Джонни, сделав несколько шагов, сел в кресло.

– О чём ты хотел со мной поговорить? – после минутного молчания спросил Владимир.

– Обо всём, – ответил ему Джонни.

– Обо всём? – усмехнувшись, переспросил отец, – Об обе-зьянках, о птичках, о бабочках? Или о нищих? О больных? О машинах, картинах, цветах? О чём именно?

– Отец, я хотел поговорить с тобой о нас, – сказал па-рень, – О нас с тобой... И о матери!

– О матери? Об Алисии? А что о ней говорить? Её уже нет! Давно нет!

– Я знаю... Я просто хотел перед тобой извиниться.

– Извиниться? – удивился мужчина.

– Да, я хотел сказать... В общем, прости меня, – опустив глаза, виновато произнёс Джонни.

– За что же интересно я должен тебя простить? – скрестив на груди руки поинтересовался Владимир.

– За то, что я тогда назвал тебя убийцей... Ты ведь поэто-
му на меня злишься? Да? – спросил парень.

– Возможно... – многозначительно ответил ему отец.

– Я не хотел так говорить!

– Не хотел?

– Нет! Ну... Точнее, тогда хотел... А теперь я понял, что причинил этими словами тебе боль. Это ведь было случайно! Ты ведь не хотел её толкать...

– Не хотел, – на мгновение опустив взгляд ответил Вла-
димир.

– Я знаю. Ты ведь любил её...

– Я любил её, Джон! Я любил твою мать больше всего на свете! Я и сейчас люблю её! – сказал мужчина и посмотрел на фотографию своей покойной жены, которая стояла у него на столе.

– Ты простишь меня? – после непродолжительной паузы спросил Джонни.

– За то, что ты назвал меня убийцей твоей матери и моей жены? – спросил Владимир.

– Да, – кивнул головой парень.

– Значит, теперь ты так не считаешь?

– Нет, теперь я так не считаю. С того момента прошло уже немало времени и... Я многое понял.

– Это хорошо.

– Так ты простишь меня?

– Возможно... – ответил Владимир, и в кабинете вновь воцарилась тишина.

– Отец...

– Да?

– Что я должен сделать, чтобы ты простил меня? И что я должен сделать, чтобы ты меня уважал? – спросил Джонни.

– Простить? На самом деле я уже давно простил тебя. А уважение... Уважение надо заслужить!

– Как я должен его заслужить? – поинтересовался Джон.

Владимир в ответ усмехнулся.

– Вряд ли ты сможешь это сделать, – сказал он.

– Почему?

– Потому что ты копия своей матери! Потому что ты глуп, наивен и слишком горд! Потому... Я тебе не раз уже говорил ты – слюнтяй и слабак!

– Отец! – возмутился Джонни и вскочил с кресла, – Я не слабак! И я докажу тебе! Только скажи, что я должен сделать?! – выкрикнул он.

– Вряд ли ты на это решишься, – спокойно ответил ему Владимир.

– На что? На что я должен решиться? Я всё сделаю! Только скажи! Я устал жить так, как живу сейчас! Ты и Мэри для

меня самые близкие и любимые люди! И я хочу, чтобы вы любили меня! Чтобы любили и уважали! Чтобы не считали меня слабаком! Хотя... Честно говоря, я не понимаю, почему вы так меня называете! Но, в любом случае, я устал от этого! Я не хочу такого к себе отношения! Тем более от вас! Скажи, что мне нужно сделать, чтобы это прекратить?!

– Это легко и просто, – сказал мужчина и после непродолжительной паузы сказал: – Просто умри.

– Что? – удивленно протянул Джонни.

– Я пошутил, – усмехнулся Владимир.

– Хм... Смешно... – кивнул головой Джон.

– Давай поговорим об этом завтра вечером, – сказал мужчина.

– Почему завтра?

– Потому что мне сейчас некогда. Я должен уехать. У меня кое-какие дела. И когда я приеду мы с тобой вернёмся к этому разговору, – сказал Владимир и, не дожидаясь ответа Джона, поднялся с кресла и быстро покинул кабинет.

7. Чудовище

1984 год. 13 июня. Среда. Вечер. Джонни весь день с нетерпением ждал возвращения отца. Наступил вечер. Потом ночь. Но отца всё не было.

Около полуночи Джон зашёл в кабинет Владимира и, усевшись поудобнее в его кресло, просто сидел там и старался ни о чём не думать. Потом, скрестив на столе руки, он положил на них голову и через несколько минут уже крепко спал.

Владимир вернулся домой только во втором часу ночи и по обыкновению зашёл в кабинет.

– Джон! – громко сказал он, увидев спящего за его столом сына, – Джон! – повторил он ещё раз.

Но парень спал крепко и не слышал голоса отца. Тогда мужчина подошёл к сыну и, потерев его за плечо, ещё раз громко позвал его. Джон поднял голову и, увидев лицо отца, спросил:

– Что ты здесь делаешь?

– Что я здесь делаю? – удивился тот, – Это мой кабинет! Если ты забыл!

Джонни огляделся вокруг. Действительно, он находился не в своей комнате, а в кабинете отца. Он спросонья совсем забыл о том, что ещё пару часов назад пришёл сюда.

– Так что ты здесь делаешь? – после непродолжительной

паузы спросил Владимир.

– Тебя жду, – ответил ему Джонни.

– Ждёшь? Значит, мне показалось, что ты спал?

– Тебе не показалось. Я действительно уснул. Извини.

– Пойдём! – резко сказал ему Владимир.

– Куда? – спросил Джон, поднимаясь с кресла.

– Ты же хотел изменить моё отношение к себе, – сказал мужчина и как-то странно посмотрел на сына, – Или ты уже передумал?

– Нет, не передумал!

– Тогда пойдём! – приказал Владимир и быстро вышел из кабинета.

Джонни тоже выбежал в коридор вслед за ним. Через пару секунд догнав отца, он спросил:

– Куда мы идем?

– На улицу, – сухо ответил тот.

– На улицу? – удивился Джон.

Ведь он просто хотел поговорить с отцом. И выходить из кабинета на улицу, да ещё ночью для того чтобы просто поговорить, ему показалось по меньшей мере странным.

– Зачем? – спросил Джон отца.

– Увидишь, – ответил тот, и парень больше не стал его ни о чём спрашивать.

Владимир вышел из дома. Джон вышел вслед за ним. Мужчина уверенно шел по тёмной улице и, дойдя до гаража, остановился. Парень встал рядом.

– Почему мы остановились? – спросил он.

– Ты ещё не передумал? – поинтересовался мужчина.

– Нет! – решительно ответил Джон.

Сейчас он больше всего на свете хотел помириться с отцом и Мэри. Он просто устал жить так, как он жил все эти годы после того как умерла мать. Ведь несмотря ни на что, ему не хватало общения с ними. Они, Владимир и Мэридит, были его семьей. Хоть Джонни и винил отца в смерти матери и ненавидел сестру за то, что она плохо говорила о ней, он понимал, что кроме этих людей у него никого больше нет. Если, конечно, не считать Анны. Но эта женщина, по сути, была ему чужой. Если бы Джон тогда знал, что ему придётся сделать ради хоть какого-то общения и может капли уважения отца к нему, он ни за что бы не начал об этом разговор.

Владимир открыл дверь гаража. Там, внутри в темноте возле стеллажа что-то шевелилось. Какой-то зверь. Присмотревшись, парень увидел привязанную к стеллажу собаку, которая в свою очередь увидев людей, громко залаяла и запрыгала.

– Это же собака Джейсона! – воскликнул Джон, – Что она здесь делает? – спросил он и подошёл к псу.

Хоть Джон и не видел своего школьного друга уже несколько лет, пса по имени Курт он запомнил хорошо, несмотря на то, что пёс в то время был ещё щенком. Это была небольшая беспородная собака с короткой чёрной шерстью и белыми пятнами на груди и задней левой лапе. К тому же

у Курта не было правого уха. Поэтому Джон безошибочно его узнал.

– Курт, малыш, что ты здесь делаешь? – спросил парень собаку, как будто та могла ему ответить.

Пёс радостно залаял и завилял хвостом. Он, по прошествии стольких лет, всё ещё помнил Джона. Парень повернулся к отцу.

– Что он здесь делает? Не мог же он убежать из дома и прибежать сюда?! – удивился он.

– Не мог, – ответил Владимир.

– Ты хочешь сказать, что Джейсон отдал Курта тебе? – наивно спросил Джонни.

– Не совсем, – снова коротко и непонятно ответил ему отец.

– Что значит не совсем? – не понял парень.

– Я забрал его сам.

– Сам? Зачем? – ещё больше удивился Джон, – Джейсон будет беспокоиться о нём! Зачем ты забрал Курта?

– Тебя волнует то, что этот твой Джейсон будет беспокоиться об этой тупой псине? Или тебя больше волнует моё отношение к тебе? – скрестив на груди руки, спросил мужчина.

– Конечно твоё отношение! – не задумываясь ответил Джонни.

– Тогда заткнись и делай то, что я тебе скажу!

– Хорошо, – согласился парень и тут же спросил: – Зачем ты привез Курта сюда?

– Что бы ты мог доказать мне свою любовь и уважение ко мне! Что бы ты мог доказать мне, свои слова! – ответил мужчина.

– Какие слова?

– Ты же извинялся передо мной за то, что назвал меня убийцей своей матери! Помнишь? – спросил Владимир.

Джон кивнул головой.

– Помню, – тихо сказал он.

– Замечательно! Только этих извинений мне недостаточно! – сказал мужчина и достал из чехла, висевшего на его ремне, большой нож.

– Держи! – протянув нож сыну, сказал он.

Джон машинально взял его. Но когда нож уже оказался в его руках, парень с недоумением спросил:

– Зачем он мне?

– Что значит зачем? Ты действительно не понимаешь, зачем я дал его тебе?

– Нет, – замотал головой Джонни.

– Не понимаешь, зачем я привёз сюда эту псину? И не понимаешь, зачем тебе нож?

– Нет, я не понимаю.

– Тогда я подскажу тебе, Джон. Я хочу, чтобы ты убил его! – каким-то жутким голосом громко произнёс Владимир.

– Кого? – испугавшись слов «я хочу, чтобы ты убил» и не понимая кого отец имеет ввиду, спросил парень.

– Псину! Кого же ещё?! – ответил мужчина.

– Отец! – вскочив на ноги, выкрикнул Джонни, – Ты... Ты с ума сошёл?! Я не буду этого делать!

– Ты слабак! – разозлился Владимир, – Я всегда знал, что ты слюнтяй и слабак!

– Я не слабак! – возразил парень.

– Слабак! Жалкий и никчёмный! Если даже не можешь зарезать какого-то старого плешивого пса! Убей его! Докажи мне, что ты достоин называться моим сыном! Докажи мне, что ты уважаешь меня!

– Нет! Я не убийца! – воскликнул Джон.

– Не убийца?! Но я ведь, по твоим словам, убийца!

– Я уже извинился перед тобой!

– А я уже сказал тебе, что твоих извинений мне недостаточно!

– Но отец...

– Не называй меня так! Такой слюнтяй как ты просто не может быть моим сыном!

– Но тем не менее, я твой сын!

– Ты будешь им, когда сделаешь то, что я тебе сказал! Убей пса! – приказным тоном сказал Владимир.

– Нет! – выкрикнул Джонни и кинул нож на пол.

Мужчина, казалось, просто пришёл в ярость. Он поднял нож и подошел к сыну. Крепко схватив Джона за предплечье, он приставил остриё ножа к его горлу.

– Трус! Ты не достоин быть моим сыном! И я с легкостью и с немалым удовольствием перережу тебе горло! – проши-

пел он.

Джон смотрел на отца широко раскрытыми от страха и удивления глазами.

– Ты этого хочешь? Хочешь, чтобы я это сделал?! – шипел Владимир.

– Нет, нет... – испуганно выдавил Джонни.

– Если ты не хочешь сдохнуть сам, тогда убей пса! – ещё раз повторил мужчина и отпустил парня.

– Я не хочу! Я не буду его убивать! – оказавшись свободным, выкрикнул Джон.

– Тебе придётся выбрать: либо твоя жизнь, либо жизнь этого плешивого куска мяса! – заявил Владимир.

– Ты ведь не сделаешь этого, – помотав головой, уже тише сказал парень.

– Не сделаю чего? – приподняв брови, спросил мужчина.

– Ты ведь не убьёшь меня?! Зачем ты это делаешь? Зачем ты так со мной поступаешь? Ты ведь не убьёшь меня!

– Почему нет?! – усмехнулся Владимир.

Он снова схватил сына и осторожно воткнул остриё ножа в горло Джона так, что на его шее выступила капелька крови. Парень вскрикнул от испуга и укола, и, глядя в глаза отца, вдруг понял, что тот вовсе не шутит.

– Ты сумасшедший, – прошептал Джонни, – Ты просто больной...

– Больной? – с усмешкой переспросил Владимир, – Возможно! Но тебе всё-таки придется выбрать: либо ты, либо

пёс, – сказал он и чуть надавил на нож.

– Пёс.. Пёс... – прошептал Джонни, и отец отпустил его.

Мужчина протянул шестнадцатилетнему мальчишке нож, кончик которого уже был запачкан его же собственной кровью.

– Ты сумасшедший, – прошептал Джонни, взяв нож в руки, – Я ненавижу тебя... Теперь я понимаю, почему мама так часто плакала... – говорил он, но Владимир не обратил на его слова никакого внимания.

– Убей псину! – злобно прорычал он.

Джонни медленно подошёл к, привязанной верёвкой к стеллажу, собаке, которая тихо и жалобно скулила. Он присел с ней рядом на одно колено и ласково погладил её по голове.

– Прости меня, Курт, – со слезами на глазах, тихо произнёс Джонни, – Прости, но если я этого не сделаю, он...

Пёс жалобно и умоляюще посмотрел на парня, как будто знал и понимал, что тот собирается сейчас сделать. Джонни сжал покрепче в правой руке большой нож, но тут же ослабил хватку.

– Нет, – покачав головой, тихо сказал он и, посмотрев через плечо на высокого мужчину, стоящего у него за спиной, уже громче сказал: – Я не могу! Я не могу этого сделать!

– Можешь! – уверенно сказал Владимир, – А если нет, то ты всё равно должен это сделать! Иначе сначала я убью его, а потом и тебя постигнет участь этого безродного пса!

– Нет. Я не могу. Я не убийца, – сказал Джонни и посмотрел в глаза Курта.

Тот будто бы говоря ему «спасибо» завилял хвостом. Мужчина злился на сына всё больше и больше.

– Убей его! – прорычал Владимир.

– Я не могу...

– Убей пса! – настаивал он.

– Нет! Я не сделаю этого! – встав на ноги и посмотрев в глаза отцу, решительно сказал Джонни.

Тогда разъяренный мужчина, который стоял в нескольких шагах от Джона, в один миг оказался рядом с ним и, схватив его за горло, крепко сжал его своей огромной рукой. Парень выронил нож и тот со звоном упал на, выложенный большой коричневой плиткой, пол. Курт запрыгал и яростно залаял.

– Я убью тебя! – прорычал Владимир, крепко сжимая горло сына.

– Отпусти... – прохрипел Джонни.

– Нет! Я же сказал тебе либо пёс, либо ты сам!

Джонни попытался освободиться, но не смог. У него не хватало сил справиться с отцом.

– Я убью тебя! Убью тебя! – разъяренно твердил Владимир.

Джонни задыхался. Его ноги становились ватными. В глазах темнело. Он уже чувствовал, что это конец. И парень испугался. Ему стало так страшно, как никогда не было прежде. Он бы хотел сейчас сказать этому чудовищу, своему

отцу, чтобы тот отпустил его. Чтобы отпустил и дал ему ещё один шанс. Сейчас он без раздумий вонзил бы в несчастную собаку нож. Но он не мог ничего сказать. Не мог. Да и поздно было уже что-то говорить. Мысленно Джонни уже попросился с жизнью. Но кое-что, как ни странно, радовало его сейчас. Он подумал, что теперь, наконец, он снова увидит свою мать. Там, в раю. В том сказочном месте, где все счастливы. Где прекрасные сады с невысказанно красивыми цветами, где журчат чистые голубые ручьи, где дует мягкий ветер, нежно шурша листьями деревьев, и разноцветные пестрые птицы поют свои звонкие песни... Джонни уже почти потерял сознание, когда отец вдруг отпустил его. Парень упал на пол и, упёршись руками в пол, долго не мог отдышаться.

– Надеюсь, теперь ты понял, что со мной не стоит спорить, – сказал Владимир.

Когда Джон, наконец, пришёл в себя, мужчина поднял с пола нож и вложил его в руку своего сына. Джонни посмотрел на отца полными ненависти глазами, но ничего не сказал.

– Я даю тебе последний шанс, – сказал высокий страшный человек.

И Джон, медленно поднявшись на ноги, подошёл к собаке. Он не раздумывая вонзил большой и острый нож в тело несчастного пса. Тот истошно завизжал. А потом злобно рыкнул. Но ничего не сделал Джону. Хотя и мог вцепиться в его лицо своими острыми зубами. Курт словно понимал, что парень не хотел причинят ему боль и что делал он это

потому, что у него, у Джона, просто не было другого выбора. Пёс рыкнул и Джону вдруг показалось, что морда собаки стала похожа на лицо его отца.

– Я убил твою мать! Я убил Алисию! – слышалось Джону, хотя Владимир молчал.

И парень, выдернув нож, замахнулся и ещё раз ударил пса. Потом ещё, и ещё. Он бил несчастную собаку до тех пор, пока её тело не превратилось в «фарш». Только тогда, немного придя в себя, Джонни остановился.

Парень с ужасом смотрел на то месиво, что сейчас лежало прямо перед ним. На то, что ещё совсем недавно было псом. И хоть Джон и обещал сам себе, что больше никогда, что бы ни случилось, не будет плакать, по лицу его потекли слёзы.

Владимир, злобно ухмыльнувшись, вышел из гаража. Он направился в дом, оставив своего сына наедине с самим собой и с тем, во что он только что превратил несчастное животное.

Парень, который ещё толком не осознал, что натворил, некоторое время сидел на коленях в луже крови и со слезами на глазах смотрел на то, что лежало перед ним. Но уже через несколько минут, он, осознав весь ужас произошедшего, выбежал из гаража. И не успел Джон оказаться на улице, как в тот же миг его вырвало. Парня рвало до тех пор, пока в желудке его вообще ничего не осталось. Его уже стало

рвать слизью и Джонни показалось, что его вот-вот вывернет наизнанку в прямом смысле этого слова.

Немного придя в себя, он отошёл подальше от гаража и плюхнувшись на землю закрыл лицо окровавленными руками.

– Неужели это мой отец?.. – шептал он, – Неужели это чудовище – мой отец?!

Джонни долго думал о том, что этот человек никак не может быть его отцом. Потом думал, что всё то, что сейчас произошло, ему только приснилось... Но поняв, что это не сон, парень снова заплакал. Но вскоре успокоился.

Джон лёг на траву и долго лежал так, глядя на звёзды. Он смотрел в небо и думал о матери.

Когда стало светать, Джонни уснул. Он спал, и ему снилась Алисия. Она, вся такая светлая и чистая, словно ангел, как будто звала его. Тихо, бесшумно, без единого слова и вздоха она просто манила его рукой куда-то. Джонни хотел кинуться к матери и, крепко прижавшись к ней, заплакать. Он хотел разрыдаться, как маленький мальчик. Хотел, чтобы мать пожалела его и тихо, как всегда раньше, сказала: «Не плачь, милый мой мальчик... Всё хорошо... Всё хорошо...» И после этих слов он бы успокоился.

Но Джонни не бежал к матери, он просто стоял и смотрел на неё. На неё, в белоснежном платье, окруженную неземным светом. Он никак не мог поверить, что она стоит перед ним. Он так долго не видел её и так долго ждал встречи с ней,

что сейчас просто не решался приблизиться.

Парень долго стоял и смотрел на мать, но когда он всё-таки решился и сделал первый шаг, за спиной женщины вдруг появилось страшное чудовище. И всё вокруг вдруг потемнело. Чудовище вонзило в несчастную женщину свои огромные когти, и Джон увидел, как её белоснежное платье обогригла кровь. Он кинулся к матери, чтобы помочь, чтобы спасти её. Но как быстро бы он не бежал, казалось, оставался на том же месте. Чудовище утащило женщину в свою глубокую тёмную яму, и Джон остался один. Один среди тьмы.

Парень проснулся. На улице была ночь. Он проспал вот так, на земле, весь день и спал бы ещё, если бы ни этот ужасный сон. Он резко сел и закрыв лицо руками, вновь и вновь воспроизводил в своей памяти тот сон. Зачем он это делал, Джонни и сам не понимал. Вместо того чтобы постараться забыть его, он наоборот хотел рассмотреть всё в мельчайших подробностях. Как будто искал в нём ответы на какие-то свои вопросы. Но не найдя этих самых ответов, он просто стал представлять себе разные концовки этого сна. Он представлял, как бежит к матери. Как плачет, как она жалеет его. Представлял, как они уходят куда-то далеко-далеко. Туда, в тот самый рай, о котором она когда-то рассказывала ему. Он представлял, как появляется это чудовище и он, Джонни, как настоящий герой, бесстрашный, сильный и храбрый, убивает его. И много чего ещё он представлял себе. Но чтобы он не придумывал сейчас, всё равно это бы-

ло всего лишь его воображением и ничем больше. Ничего из того, что он себе представлял, не было правдой. Кроме самого этого сна. Ведь тем чудовищем был его собственный отец, который в реальной жизни мало чем отличался от того, что Джон видел во сне. Он лишил жизни женщину, которую, казалось бы, любил больше всего на свете. Лишил детей матери. Лишил его, Джонни его любимой матери, которая была для него всем...

Джонни глубоко вздохнул. Он вдруг почувствовал, что от рук его неприятно пахнет кровью. В его сознании тут же стали вырисовываться картины вчерашней ночи. Парень с ужасом посмотрел на свои руки. А потом и на одежду. Джон был с ног до головы в собачьей крови и шерсти. Он просто пришёл в ужас от того, что увидел. Пришёл в ужас от воспоминаний того, что было вчера и от самого себя. Резко вскочив на ноги, он побежал в дом. Ворвавшись в холл, он вбежал по лестнице на второй этаж, где столкнулся с Мэридит.

– Осторожней! – завопила она, когда Джон чуть ли не сбил её с ног.

Парень с ненавистью взглянул на сестру.

– Что это с тобой? – оглядывая брата, с усмешкой спросила Мэри.

– Я думаю, ты и сама знаешь! – грубо ответил он и быстро пошёл по коридору напрямик в ванную.

Войдя в ванную комнату, Джон закрыл за собой дверь

на замок и, включив душ, прямо так в одежде залез под воду. Он судорожно пытался смыть с себя кровь. И не только. Он хотел, он думал и надеялся, что вода смоет с него не только собачью шерсть, кровь и грязь, но и смоет с него этот его грех. Вымоет из его головы память о том, что он недавно сделал. Но сколько бы он не стоял под струями тёплой воды, сколько бы ни тёр себя, это было невозможно. Невозможно избавиться от того, что навсегда поселилось у тебя в голове и в душе. Невозможно избавиться от того, что навсегда засело в памяти. И невозможно было избавиться от чувства отвращения к отцу и к самому себе...

1984 год. 15 июня. Пятница. В эту ночь Джонни никак не мог уснуть. И не только потому, что он проспал целый день, но и потому что перед глазами его всё время стоял образ Курта. И особенно его глаза. Его несчастный, понимающий, как будто это была вовсе не собака, а человек, и умоляющий взгляд не давал Джону покоя. Он не мог поверить в то, что сделал. В то, что он сам, своими руками убил живое существо. И сделал это с такой жестокостью...

«Да... Да, я убил этого пса... Да, я сделал это... Я это сделал! Но почему?! Это он, этот монстр вынудил меня сделать то, что я сделал! Я не виноват в смерти Курта! Не виноват! Это всё он! Он вынудил меня! Он заставил меня это сделать! И он, это чудовище, спокойно наблюдал за тем, как я уби-

вал эту бедную собаку! Это он хотел этого! Он виноват! Он во всём виноват! В смерти матери, в том, что сейчас происходит с Мэри... Он виноват в том, что твориться в моей душе! Этот монстр! Он настоящий дьявол! Мой отец – дьявол...» – лёжа в кровати, думал Джонни.

Ещё долгое время после того случая Джонни не мог спокойно спать. Он постоянно думал о содеянном. И о том, что сделать это его вынудил отец. Он вспоминал, с какой ненавистью смотрел на него Владимир, когда схватил его за горло и начал душить. Он вспоминал, как задыхался. Вспоминал то чувство, которое он испытал в тот момент. Это ужасное чувство, когда жизнь покидает тело. Это было так страшно. Необъяснимо страшно. И в тоже время прекрасно...

Джонни долгое время избегал отца. Он не хотел видеть лицо этого страшного человека. Не хотел его ни видеть, ни слышать. Парень хотел забыть о том, что тот монстр, с которым он почти всю свою жизнь, жил под одной крышей, его родной отец.

Иногда Джонни даже представлял себе, как он убивает его. Представлял, что на месте того пса был этот дьявол. Представлял, как кровь этого ужасного человека брызжет из его ран во все стороны. Как она обагрывает клинок большого ножа. Как растекается по полу. Он представлял себе забрызганный кровью гараж. Представлял, как смотрит потом на свои окровавленные руки и на то месиво, что осталось от его отца, и смеялся. Смеялся, как безумец. Но самым

сладким был первый удар. В своих фантазиях Джонни наносил первый удар большим ножом своему отцу прямо в сердце. В его чёрное безжалостное нечеловеческое сердце. И он, Владимир, ещё не успев осознать, что сейчас произошло, пал перед ним на колени. Джонни казалось, что это чудовище хочет ему что-то сказать, но оно не могло уже произнести ни слова. Джонни представлял, как выдергивает клинок из сердца этого зверя и как льётся, как брызжет из его смертельной раны кровь. Парень представлял, как он снова и снова наносит удары ножом в уже бездыханное тело. Как он бьёт и режет его, чтобы утолить свою жажду мести. Жажду мести за себя, за мать, за сестру. Но это были всего лишь его фантазии, которые он никогда бы не смог воплотить в жизнь.

«Наверно, этот дьявол прав» – думал Джонни, – «И я действительно слабак и трус...»

8. Побег

1984 год. 11 Июля. Среда. Около полуночи Джонни вышел из своей комнаты. Он точно знал, что отца и Мэри сейчас не было дома, потому что ещё часов в десять вечера парень видел, как они сели в машину и уехали.

Джон спустился вниз и направился на кухню, чтобы чего-нибудь поесть. Но зайдя на кухню, он увидел того, кого так не хотел видеть. Того, кого ненавидел и теперь ещё и боялся больше чего-либо на свете. На кухне за столом сидел его отец. Мужчина как будто бы ждал его. Парень развернулся, и хотел было уйти, но почему-то остановился. Он повернулся обратно и снова посмотрел на отца.

– Здравствуй, Джон, – ухмыляясь, сказал Владимир.

– Здравствуй, – тихо, но с заметной ненавистью в голосе и во взгляде ответил парень.

– Давно мы с тобой не виделись... Не так ли? – сказал мужчина.

– Так! – ответил ему Джон.

Владимир встал из-за стола и подошёл вплотную к сыну. Он заглянул в его зелёные глаза и спросил:

– Ты боишься меня?

– Нет! – немного помедлив, громко ответил ему парень.

– Ты не умеешь врать, Джон! Так же, как и твоя мать... – приподняв голову и показывая тем самым своё превосход-

ство над сыном, сказал мужчина.

– Я не вру! – возразил парень, – Я не боюсь тебя! – заявил он.

И хотя Джон и впрямь лгал, всё же он посмотрел в глаза «дьявола» и ещё раз сказал:

– Я не боюсь тебя!

– Тогда почему так сильно стучит твоё маленькое никчёмное сердечко? – нависший как огромный лев над маленьким кроликом, спросил Владимир своего сына.

Джонни не знал, что ему ответить. Ведь он и впрямь боялся отца. Боялся так сильно, что его ноги, казалось, стали ватными, и он изо всех сил старался устоять на них. И сердце его, оно действительно билось с такой силой, что чуть ли не выскакивало из его груди. Джонни не знал, что ответить этому монстру и только подумал: «Откуда он знает, как оно бьётся?»

– Я жду тебя в своём кабинете! – после недолгой паузы сказал Владимир и вышел из кухни.

Оставшись один, Джонни, еле добравшись до стула, плюхнулся на него и глубоко вздохнул. Он был рад тому, что отец ушёл и рад, что он не тронул его. Пока не тронул...

– Зачем я ему понадобился? – вслух сказал обеспокоенный парень, – Что он от меня ещё хочет? Может... Может стоит сбежать отсюда? Да! Да! И почему я раньше об этом не подумал?! Надо бежать из этого дома!

Обрадовавшись своей идее, Джонни вскочил со стула.

Джон прямо так, в чём был, выбежал из дома. Но, пробежав несколько метров, вдруг остановился.

– Нет. Нет, я не могу взять и уйти. Я не могу оставить Мэри с этим чудовищем! Не могу! Я не знаю, что он с ней сделал... Что наговорил ей... Но, она моя сестра! Она ещё так мала! А если он убьёт её? Убьёт, как хотел убить меня... – подумал Джонни, – Может он и относится к ней лучше, чем ко мне... Хотя... Откуда мне это знать? Я ведь не знаю этого наверняка! Может быть она и обозлилась на меня и на маму из-за того, что... Да! Я должен взять её с собой! – взглянув на дом, решительно сказал Джонни.

Но сделав несколько шагов в сторону дома, снова остановился.

– Нет... Она не пойдёт... Она не пойдёт... Только начнёт кричать и тогда... Господи! Что же делать? – Джон схватился за голову, – Господи, что же мне делать?! Что делать?.. – спрашивал он у того, в кого, в общем, не очень-то верил. У того, о котором практически ничего не знал. Но его мать верила, а Джон верил ей. Но сколько бы парень не спрашивал, Господь молчал. Он ничего ему не говорил. Он молчал. И Джонни не мог понять почему. Толи потому что его правда не существует. Толи потому, что он не слышал его. Толи потому, что не считал нужным что-то отвечать. Толи просто не знал, что ему ответить. А может потому, что ему было всё равно, что происходит с ним, с Джоном. А может быть, сам Джон просто не слышал его...

Минут через пятнадцать парень вернулся в дом. Больше всего на свете он сейчас не хотел идти к отцу. Он боялся того, что тот может сказать ему. Боялся, что он может сделать с ним. Или вовсе убить его. Боялся, что отец может заставить его ещё раз сделать что-то такое, от чего Джонни станет презирать сам себя ещё больше. Но выбирать ему не приходилось, и парень пошёл в кабинет отца, где тот уже давно ждал его. Джонни подошёл к двери и не решительно постучал.

– Входи! – громко прозвучал грубый голос отца и Джонни вошёл в комнату.

– Что ты хотел? – опустив голову, спросил он.

– Садись, – приказал Владимир.

Мужчина указал сыну на кресло, стоявшее с противоположной от него самой стороны стола, и парень сел. Он сел в кресло и опустив газа в пол, покорно ждал того, что скажет ему то чудовище, которое находилось сейчас в одной с ним комнате почти на расстоянии вытянутой руки и смотрело на него своими злобными тёмными глазами. Но мужчина молчал. Он смотрел на сына и молчал. Джон тоже молчал. В кабинете на какое-то время воцарилась гробовая тишина.

– Ты хотел сбежать? – спросил, наконец, Владимир.

Джон посмотрел в глаза отца и, недолго думая, ответил:

– Да.

– Почему ты этого не сделал? – поинтересовался мужчина.

– Не хотел оставлять с тобой Мэри, – ответил парень.

– Тогда почему ты не взял её с собой?

– Она бы не пошла!

– Значит ли это, что она предпочла бы остаться со мной?

– К сожалению, да!

Владимир ухмыльнулся и, немного подавшись вперед, спросил:

– Если я такой ужасный, как ты думаешь. А ты так думаешь... Тогда почему Мэри не пошла бы с тобой?

– Не знаю, – ответил Джон, – Я не знаю, что ты сделал с ней! Не знаю, что ты ей наговорил! Я не знаю, почему она так изменилась! Не знаю, почему она стала ненавидеть свою мать и меня! Я не знаю, я не понимаю, почему она заодно с тобой... Не понимаю, почему она боготворит такое чудовище, как ты! – смотря прямо в глаза отца, говорил Джон.

Он хотел продолжить, но вдруг вспомнил, кто сидит перед ним и кому он это всё говорит. Парень замолчал в ожидании того, что отец в лучшем случае сейчас встанет и ударит его. Но к удивлению Джонни, мужчина просто откинулся в кресле и, расслабившись, спокойно продолжил разговор с сыном.

– Значит, ты считаешь меня чудовищем, – выдохнул он.

Лицо Владимира было на удивление спокойным и даже казалось довольным.

– Да, – тихо ответил Джонни.

– А ты сам? Разве ты не чудовище?

– Нет! Я не чудовище! Я не такой как ты!

– Я твой отец, Джон.

– Ты мне не отец.

– Не отец?! – переспросил Владимир и рассмеялся.

Этот пугающий Джона смех, даже хохот, к счастью продолжился не долго. Мужчина замолчал и, посмотрев на сына, спросил:

– Если я тебе не отец, тогда кто? Кто я, по-твоему?

– Я не хочу, чтобы ты был моим отцом! – громко сказал Джон.

– Правда? Печально... – вздохнул мужчина, а через секунду снова ухмыльнулся. – Но ты мой сын, – сказал он, – И в тебе течёт моя кровь! В тебе течёт кровь того, кого ты считаешь чудовищем! И как ни крути этого тебе не изменить!

– Пусть так! Но это не значит, что я такой же, как и ты! – возразил Джон.

Владимир снова ухмыльнулся.

– Лучше скажи мне, – ещё больше осмелев, начал парень, – Что ты сделал с Мэри?

– Ничего, – ответил ему отец.

– Почему она стала ТАК себя вести? Что ты с ней сделал?

– Я же сказал тебе, ничего я с ней не делал. Она моя дочь с головы до ног! И в отличие от тебя она уважает и любит своего отца!

– Уважает и любит? – переспросил Джон, – За что? За что она тебя любит? За что тебя любить? За что уважать?

– Мальчик мой, мой сын, – улыбнулся Владимир, – Я вижу, ты совсем осмелел! Ты больше не боишься меня?

– Я уже говорил тебе! Нет, я не боюсь тебя! – соврал Джон

и, если бы на месте Владимира был кто-то другой, он непременно поверил бы в слова парня. Но не Владимир.

– Ложь, – покачав головой, сказал мужчина, – Ты думаешь, я не слышу биение твоего сердца? Ты думаешь, я не вижу в твоих глазах страх?

Джон машинально опустил глаза, а потом снова посмотрел на отца.

– Зачем тебе это нужно? – спросил он.

– Что именно?

– Зачем тебе нужно чтобы я боялся тебя?

– Мне это вовсе не нужно, – возразил Владимир, – Я не хочу, чтобы ты меня боялся! Я хочу, чтобы ты, как и твоя сестра, любил и уважал своего отца. Того, кто дал тебе жизнь. Того, кто растил тебя и заботился о тебе всё это время!

– Всё это время?! – возмутился парень, – Я столько лет жил в этом доме почти один!

– Один? А разве мы с Мэридит не приезжали к тебе?

– Вы просто приезжали, но не ко мне! Ко мне приезжала Анна, но не ты и не Мэридит!

– Значит, ты так думаешь?

– Я так не думаю, так и есть! Почему ты бросил меня здесь?

– Потому что я хотел, чтобы ты подумал, хорошенько подумал, над своим поведением.

– Над каким поведением?

– Ты и сам прекрасно знаешь над чем тебе стоило поду-

мать. Но прошло уже так много времени, а ты всё ещё не сделал правильный выбор.

– Какой ещё выбор?

– На чьей ты стороне. На стороне своей матери или на моей.

– Я не знаю, что между вами произошло тогда, но это не война, чтобы мне выбирать, на чьей стороне быть. К тому же мамы уже давно нет.

– Ошибаешься, – сказал Владимир, и в небольшой комнате снова наступила тишина, которая вскоре была прервана голосом Джона.

– Значит, ты хочешь, чтобы я любил и уважал тебя? – спросил он, – И ты думаешь, что такими методами ты добьёшься моей любви и уважения?

– Ты говоришь так, будто ты царь, а я твой придворный слуга, – усмехнулся мужчина, – Возможно... Возможно, когда-нибудь ты поймёшь...

– Пойму ЧТО?

– Всё! Поймешь, что кроме меня и Мэри у тебя больше никого нет, и никогда не будет. Поймёшь, что мы твоя семья. А в семье все должны любить, уважать и поддерживать друг друга. Должны держаться вместе.

– Идеальная семья... – выдохнул Джонни.

– Да! И наша семья должна быть идеальной! Твоя мать хотела разрушить это! И у неё это получилось! Но тебе я не позволю это сделать! И я добьюсь любыми способами то-

го, что мои дети будут любить, уважать и ценить своего отца! Так же, как любит и ценит их он. Добьюсь того, что вы будете беспрекословно мне подчиняться!

– Подчинятся? Так ты хочешь, чтобы мы тебя любили и уважали? Или хочешь сделать из нас рабов?

– Нет. Ты неправильно меня понял. Вы мои дети! И вы должны слушать своего отца и следовать тому, что я говорю вам.

– И делать то, что ты прикажешь?

– И делать то, о чём я прошу вас.

– Замечательно! А то, что хотим мы, тебя вообще не волнует? И то, что ты делаешь так, чтобы мы тебя боялись... Чтобы я тебя боялся! Что это за любовь такая?

– Пусть и такая. Пусть даже ты будешь бояться меня. Но ты должен быть с нами. Со мной и с Мэри. Мы семья. Тебе ясно?

– Ясно! Ясно, что ты ненормальный! – вскочив с кресла выкрикнул Джонни.

Владимир угрожающе посмотрел на сына и тот снова сел.

– Не больше, чем ты, – сказал мужчина, – И запомни, я не позволю тебе настраивать против меня мою же дочь. Так же, как не позволю тебе уйти.

– И как же ты это сделаешь? Запрёшь меня?

– Нет. Если ты ещё раз попытаешься сбежать, я найду тебя.

– И что тогда?

– Тогда я сделаю то, что не сделал тогда в гараже. Я убью тебя. Надеюсь, ты меня понял.

– Понял. Но... Ты так уверен в том, что найдёшь меня?

– А ты сомневаешься в этом?

– Сомневаюсь!

– Зря. На твоём месте я бы в этом не сомневался. Я найду и убью тебя. Убью! – сказал Владимир и так странно посмотрел на сына, что никто, увидев этот взгляд не усомнился бы в том, что мужчина просто сошёл с ума.

– Отец, у тебя совсем крыша поехала? – вдруг сказал Джонни.

После этих слов мужчина вскочил с кресла.

– Щенок! – заорал он, – Не смей так со мной разговаривать!

Владимир замахнулся на сына и Джонни уже приготовился к удару, но тот неожиданно сел обратно в кресло.

– Ты называл меня отцом? Не «чудовищем», а отцом? – как ни в чём не бывало, спокойно спросил Владимир.

– Это вырвалось случайно, Владимир, – сделав акцент на имени отца, сказал Джон.

– Владимир? Ты теперь так будешь меня называть?

– Да. Да, я буду называть тебя по имени и никак иначе! Запомни, чтобы ты не делал, как бы ты не угрожал мне, ты мне больше не отец!

– Ты... Ты так похож на свою глупую мать, – покачав головой сказал мужчина.

– Она не глупая! – выкрикнул Джон.

– Да, ты прав. Она была не глупа. Она была просто дура! – подавшись вперёд в кресле, заявил Владимир, – Жаль. Очень жаль, что ты совсем не похож на меня, не похож на свою сестру.

– А мне не жаль! Я рад, что не похож ни на тебя, ни на неё! – встав с кресла, сказал Джонни и уже собрался уходить, но мужчина остановил его.

– Джон!

Парень повернулся и посмотрел на отца.

– Я тут подумал... Если ты попытаешься сбежать, – сказал Владимир, – Я не буду искать тебя. Я позволю тебе уйти. Ты уйдёшь куда захочешь и будешь жить там, где захочешь. Жить далеко от меня. Но... Если ты всё-таки решишь сбежать, я убью твою сестру. Я убью Мэри! Каждый день я буду отрезать от неё по кусочку и залечивать её раны. Это будет продолжаться до тех пор, пока она не умрёт! Ты же не хочешь, чтобы твоя сестра умерла? Да ещё и в таких мучениях...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.